

ЛИНДА ЛАЕЛ
МИЛЛЕР

Люли и майор

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М 60

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Linda Lael Miller
LILY AND THE MAJOR

Перевод с английского *Е.В. Погосян*
Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ros Inc.*

Печатается с разрешения издательства Pocket Books,
a Division of Simon & Schuster Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Миллер, Линда.

М 60   Лили и майор : роман / Линда Лаел Миллер;
[пер. с англ. Е.В. Погосян]. — Москва : АСТ,
2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-088018-8

На Диком Западе удача может улыбнуться любому — и юная Лили Чалмерс верит в осуществление своей мечты.

Муж и семья точно не входят в планы Лили. Однако встреча с майором-янки Калемом Холлидеем полностью переворачивает ее жизнь.

Калек — сильный мужчина. Он готов заботиться о женщине, в которую влюблен, и способен предложить Лили не только ночи наслаждения, но и дни, полные счастья.

И все же гордая девушка упорно не желает, чтобы этот суровый человек становился между ней и ее мечтой о свободе...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Linda Lael Miller, 1990

© Перевод. Е.В. Погосян, 2011

ISBN 978-5-17-088018-8   © Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Пролог

*Линкольн, штат Небраска
9 декабря 1865 года*

Все небо было обложено тучами, из которых сыпался мелкий противный снег. Порывы ветра без труда проникали под юбки шестилетней Лили и охладили ее голые колени, однако она и не подумала наклониться, чтобы подтянуть сползшие чулки. Все ее внимание было приковано к людам, сгрудившимся возле железнодорожной платформы, на которой она и другие дети, приехавшие на сиротском поезде, были выставлены для всеобщего обозрения.

К ее поношенному пальто была пришпилена картонка с цифрами «два» и «семь». Лили знала, что если две цифры написаны вместе, то они обозначают какое-то новое число, но прочесть его не могла, потому что никогда не ходила в школу. Возможно, об этом ей что-то рассказывали сестры, но за последние дни голова Лили распухла от всех тех сведений, которые она должна была запомнить.

Девочке много раз повторяли: ее имя — Лили Чалмерс, сестер ее зовут Эмма и Каролина. Родилась Лили 14 мая 1859 года в городе Чикаго, в штате Иллинойс.

Малышка почувствовала, как ее плечо сжали пальцы Каролины, и попыталась выпрямиться. Душа Лили ушла в пятки, когда она увидела, что огромный мужчина в шерстяном пальто, прищурившись, осматривает жалкую группку сирот, стоявших на платформе. Лили никак не хотела

расстаться с надеждой на то, что кто-нибудь сможет взять в дом всех трех сестер, хотя Эмма и Каролина с той самой минуты, как их поезд отошел от платформы в Чикаго, постоянно готовили Лили к тому, что им придется расстаться.

Похожий на медведя мужчина выбрал себе двух мальчиков, и Лили облегченно вздохнула. Уголкем глаза она взглянула на стоявшую подле нее Эмму и увидела, что у нее щекам текут слезы. А ведь Эмме было уже семь лет — по понятиям Лили возраст почтенный, чтобы позволять себе плакать на людях. Она тихонько нащупала руку Эммы и сжала ее пальцы.

И в этот момент по прогибавшимся под ее тяжестью заснеженным деревянным ступенькам на платформу поднялась грузная женщина и напрямик направилась к беспомощно цеплявшимся друг за друга девчушкам.

— Я забираю вас, — заявила женщина не терпящим возражений тоном, и Лили на миг охватила радость от мысли, что ее мечты сбылись и их забирают всех вместе. Но уже в следующую секунду до Лили дошло, что женщина обращается исключительно к восьмилетней Каролине.

— С вашего позволения, мэм, — приседая в реверансе, едва слышно попыталась возражать Каролина. — Эти две девочки — мои сестры. Их зовут Эмма и Лили, и они обе хорошие, сильные девочки, к тому же достаточно взрослые для того, чтобы убирать и готовить...

— Только вас, мисс, — отвечала женщина, покачив головой.

Каролине ничего не оставалось как крепко обнять на прощание сестер. Ее карие глаза были полны слез, а снежинки блестели на темной непокрытой голове, словно серебряная корона. Будучи старшей, Каролина надеялась, что ее заберут самой последней и она сможет запомнить хозяев двух младших сестер, чтобы потом суметь их разыскать.

— Помни обо всем, что я тебе говорила, — ласково сказала Каролина, беря руки Лили в свои. — А когда тебе будет одиноко, просто спой те песенки, которым учила нас бабуля, и мы снова окажемся вместе. — Она поцеловала Лили в щечку. — Я разыщу вас обеих, — добавила она. —

4   Обещаю вам.

Каролина выпрямилась и обернулась к Эмме.

— Будь сильной, — сказала она. — И помни. Пожалуйста, помни!

Эмма лишь молча кивнула, слезы катились у нее по щекам. Лили считала, что из них трех Эмма была самой хорошенькой, ведь у нее были такие чудесные белокурые локоны, синие глаза и нежный мелодичный голосок.

Когда стало ясно, что больше никого из детей здесь не заберут, кондуктор загнал их обратно в вагон. Лили не плакала, но горло ее судорожно сжималось от подавляемых рыданий, а сердце замерло в груди испуганной птичкой.

— Давай споём, — сказала, все еще всхлипывая и шмыгая носом, Эмма, когда они проглотили обычный приютский ужин, состоявший из черствого хлеба и разбавленного молока.

Но привычные песенки прозвучали ужасно тоскливо, когда некому оказалось исполнить партию Каролины. И это вызвало у Эммы новый приступ рыданий. В конце концов малышки потеснее прижались друг к другу в поисках взаимной поддержки и постарались уснуть.

Но стоило Лили закрыть глаза, как перед ее глазами предстала мать, беседовавшая с солдатом в грязном голубом мундире.

— Но ведь они мои малютки, — говорила она, невнятно произнося слова, как всегда в тех случаях, когда ей случалось выпить много бренди. — Что же, по-твоему, я должна с ними сделать?

— Отошли их на Запад, — отвечал солдат, одной рукой отдергивая занавеску, отделявшую кровать матери от остальной каморки, а другой рукой махнув куда-то вдаль.

— На Запад? — икнув, переспросила женщина, путаясь в складках занавеси. Мать всегда старалась поступать так, как от нее требовали мужчины, но почему-то это всегда приносило ей только неприятности.

Тогда Лили впервые услышала о существовании сиротских поездов. Пока солдат расписывал матери, в какие прекрасные дома попадают сиротки, которых отвозят на Запад, из-за занавески на пол падали одна за другой детали их одежды. А когда тени солдата и матери пе-

репнулись на фоне грязной тряпки, Лили встала и вышла на крыльцо, где уселась в раздумье, опершись подбородком на кулачок.

Тут воспоминания поблекли, и девочка потеснее прижалась к Эмме, которая за всю ночь так и не сомкнула глаз. И тогда Лили сказала то, о чем молчала до сих пор.

— Мама отослала нас, потому что так хотел солдат.

— Он не захотел бы на ней жениться, если бы она нас оставила, — согласилась Эмма, и в ее темно-синих глазах вспыхнул гневный огонек.

— Ненавижу солдат, — сказала Лили.

— Не надо никого ненавидеть, — возразила Эмма, обнимая сестру за плечи и крепче прижимая к себе. — Да и к тому же все равно в один прекрасный день мы снова будем вместе, ведь Каролина обещала нам.

Лили только вздохнула.

— Мне надо выйти, — сказала она через какое-то время.

— Ох, Лили, — растерянно прошептала Эмма, — почему ты не подумала об этом там, на станции? Теперь тебе придется возиться с этим ужасным вонючим горшком в конце вагона!

— Мне надо выйти, — настойчиво повторила Лили, многозначительно расширив такие же, как у Каролины, карие глаза. Эмме ничего не оставалось как проводить сестру в заднюю часть вагона, где за последним сиденьем находилось импровизированное отхожее место. Кое-кто из мальчишек попытался подглядывать за ними, но Эмма прикрикнула на них как могла и к тому же загородила Лили, расправив свои юбки.

Управившись с горшком и вернувшись на свое место в вагоне, Лили вдруг осознала, что ведь следующей сиротой, которую выберут себе добрые люди, может оказаться Эмма. Но если Эмму заберут из поезда, а Лили нет? Получается, что некому будет сопровождать Лили при нужде, отгонять от нее этих мерзких мальчишек и закрывать своими юбками в тот момент, когда Лили снимет штанишки.

Лили обмерла от страха, что может обмочиться и тогда уж точно станет посмешищем для всего вагона. Ее будут дразнить малявкой.

Вслед за этим на Лили разом набросились все остальные терзавшие ее в эти злополучные дни страхи: они рвали ее бедное сердечко, словно свора бродячих собак, не дававшая ей проходу, когда они жили дома. А что, если те, кто возьмет ее к себе, не будут ее любить или просто окажутся злыми людьми? Или еще того хуже: ее вообще никто не захочет забрать, и она так и будет кататься по всей стране на этом промозглом, вонючем поезде до конца своих дней!

Прошло немало времени, пока обессиленная Лили провалилась в беспокойный сон. Ей привиделось, что мать передумала и захотела вернуть своих детей домой. Она ласкала их, называла своими милыми крошками и обещала, что скоро они переедут все вместе в маленький уютный коттедж прямо на берегу моря: точь-в-точь такой же, какой Лили видела в одной из бабулиных книжек.

Резкий толчок остановившегося поезда разбудил девочку, вернув ее в беспощадную действительность. Было раннее утро, солнце еще не взошло, а их с Эммой и другими детьми уже вытащили из вагона на платформу, напоказ новой толпе.

Болезненная худая женщина хотела было увести с собой Эмму, но Лили вцепилась в сестрино платье.

— Возьмите и мою сестру тоже, — попросила Эмма, не в силах расстаться с Лили. — Пожалуйста, мэм, не разлучайте меня с Лили.

Женщина возмущенно фыркнула в ответ.

— Мне крупно повезло, что я беру себе в помощь хотя бы одну девочку, — сказала она. — Если я приведу домой сразу двух, мистер Карвер устроит мне изрядную головомойку.

И тут вмешался кондуктор. Он сгрел Лили в охапку и буквально швырнул девочку на сиденье в вагоне. Она была настолько ошарашена, что даже не заплакала, однако разлука с Эммой заставила ее забыть обычную покорность, и Лили извернулась и укусила кондуктора за руку.

Кондуктор взревел от боли, отчего ужасно развеселились приютские мальчишки, тогда как Лили просто молча отвернулась и приникла к оконному стеклу.

Когда поезд проезжал мимо кучки невзрачных домишек, сгрудившихся в небольшой поселок под низ-

кими мрачными тучами, Лили в последний раз увидела, как Эмма машет ей вслед. Рядом с сестрой стояла дама в украшенной перьями шляпке и та, другая, которая беспокоилась насчет того, что ей вымоют голову.

В этот день Лили отказалась и от завтрака, и от обеда, на который детям предложили гнилые яблоки, сидр и хлеб.

Уже давно миновал полдень, и небо разразилось очередным обильным снегопадом, когда паровоз пронзительно засвистел и поезд остановился возле новой станции. Лили оцепенело сидела на месте и так бы и осталась в вагоне, если бы разъяренный кондуктор не сгрел ее за шиворот и не вывел на платформу к остальным детям.

Упитанный джентльмен в черном костюме махнул рукой в ее сторону, не прерывая беседы со стоявшей подле него дамой. Там был еще какой-то молодой человек, но Лили не обратила на него внимания, поскольку в этот момент она увидела маленькую девочку.

Она словно сошла с картинки: лицо обрамляли золотистые локоны, а голубое теплое пальтишко завязывалось у ворота пышным синим бантом. Она улыбнулась Лили и указала в ее сторону.

— Я хочу, чтобы ты взял эту девочку, папа, — сказала она.

Лили тут же вышла вперед, словно влекомая неведомой силой. Она едва ли сознавала, что делает, но одно знала наверняка: ей до смерти неохота возвращаться в этот ужасный поезд.

Маленькая девочка, осторожно ступая, поднялась по лесенке на платформу и подошла к Лили. Обе малышки оказались примерно одного роста и были очень хорошенькими. Но Лили выглядела изможденной и усталой, тогда как другая девочка была упитанной и прекрасно ухоженной.

— Меня зовут Исидора, — важно сообщила девочка, снисходительно улыбаясь Лили. — Папа сказал, что, если я захочу, ты станешь моей игрушкой.

Лили лишь молча переминалась с ноги на ногу, не в силах найти с ответом. Теперь, когда от нее ушли Каролина и Эмма, когда она утратила их, и скорее всего навсегда, для нее не имело значения, захочет ли взять ее кто-

нибудь вообще. Ей остается отныне лишь покорно принимать все, что преподнесет ей судьба.

Исидора нахмурилась, и ее васильково-синие глаза потемнели, укравшись под пушистыми ресницами.

— Ведь ты можешь говорить, правда? Я хочу подружку, которая может говорить!

— Меня зовут Лили, — сам собой пришел на память затверженный недавно ответ. — Мне шесть лет, и я говорю не хуже других.

Исидора взяла Лили за руку и повела к поджидавшим ее родителей и молодому человеку — возможно, он был ей братом, который явно не разделял восторгов остальной семьи по поводу появления в доме маленькой сиротки. Это был рослый мальчик с вьющимися каштановыми волосами, и, хотя он явно старался держаться особняком, Лили заметила доброе выражение его глаз.

— Я хочу вот эту девочку, — заявила Исидора. — Я буду звать ее Аврора... нет, это слишком красиво!.. — И она обратила свой взор на Лили и замолчала в сильной задумчивости. — Я знаю! Ты будешь Алвой. Алвой Соммерс.

Непонятно, как Лили тут же оказалась в поджидавшем их экипаже, причем брат Исидоры, подсаживая ее на высокую ступеньку, ободряюще подмигнул ей и улыбнулся.

Отныне и впредь все в семье Соммерс обращались к Лили, зовя ее Алвой. Все, кроме Руперта. Он всегда называл ее настоящим именем, а когда Лили рассказала ему про Каролину и Эмму, еще и записал все, что она помнила, чтобы это сохранилось у нее на всю жизнь.

Глава 1

*Тайлервилл, территория Вашингтон
10 апреля 1878 года*

Из салуна «Голубой цыпленок» на улицу доносились громкие аккорды пианино, густые клубы сигарного дыма валили из дверей столовой при отеле. Лили Чалмерс посмотрела на часы, приколотые к корсажу ее голубого миткалевого платья, и удовлетворенно отметила, что у нее еще есть время и она не опоздает на работу.

Изящно приподняв края юбки маленькой ручкой, Лили осторожно проложила себе путь по улице, засыпанной мусором и заваленной конским навозом. Перейдя на другую сторону, где на дощатом тротуаре было немного почище, девушка довольно улыбнулась. Земельная контора оказалась открытой для приема посетителей.

Лили встретил клерк — молодой человек, у которого на рябой от оспы физиономии красовались внушительные очки. При появлении посетительницы он вежливо притронулся к козырьку фуражки. От его взгляда не ускользнули ни ее густые белокурые волосы, ни широко распахнутые карие глаза, ни миниатюрная изящная фигурка.

— Доброе утро, — приветствовал он Лили, как ей показалось, с несколько чрезмерным энтузиазмом.

Девушку всегда крайне раздражало, когда к ней обращались столь панибратски, однако уже долгое время

10 Лили приходилось с этим мириться. И все же никто

не в силах был уничтожить сегодня ее прекрасного расположения духа, навеянного чудесным золотисто-голубым сияющим утром, пусть даже ей предстояло через полчаса явиться в столовую при отеле Гаррисона, чтобы прислуживать за едой шумной солдатне.

— Я бы хотела сделать заявку на участок земли, — с достоинством произнесла Лили. Из своей потрепанной, шитой бисером сумочки она извлекла сложенную во много раз карту и протянула ее клерку.

— Разве ваш муж не с вами? — спросил служащий, тупо заглядывая за левое плечо Лили, словно оттуда должен был появиться еще кто-то. Выражение заинтересованности на его лице сменилось растерянностью.

— Я не замужем, — со вздохом просто призналась Лили, пожимая плечами.

— Вы не замужем? — переспросил клерк, при этом его левая щека задергалась, а маленькие глазки, вдобавок уменьшенные стеклами очков, чуть не выскочили из орбит от удивления. — Но ведь вы не можете... вы просто не...

Лили была готова к подобному, хотя и крайне невнятно изложенному, возражению.

— По закону любое дееспособное лицо, достигшее совершеннолетия, имеет право получить в пользование участок земли, — заявила она, про себя моля Бога, чтобы никому не пришло в голову уточнять, сколько ей лет. Ведь, по правде, ей еще не исполнилось и девятнадцати*. — Тому, кто захочет это сделать, достаточно дать заявку, чтобы получить участок площадью в триста двадцать акров сроком на пять лет для строительства дома и занятий сельским хозяйством.

Клерк забарабанил пальцами по конторке. Лили почти убедила его. Он попытался что-то сказать, но слова шли у него из горла с таким трудом, что ничего нельзя было понять. Лили прикоснулась к его руке.

— Ну, успокойтесь, — произнесла она вежливым, но твердым тоном. — Вы только скажите мне, как вас зовут, и мы прекрасно со всем управимся.

— Монроу, — ответил тот. — Меня зовут Монроу Сэмюэлс.

---

* По закону штата совершеннолетие наступало в двадцать один год. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Она приветливо кивнула и протянула ему для пожатия ручку в перчатке.

— А меня зовут мисс Лили Чалмерс, — мило представилась она. — Ну а теперь не могли бы мы перейти к делу? У меня, к сожалению, мало времени.

Монроу развернул карту, которую Лили уже положила ему на конторку. Его кадык судорожно дернулся, когда Сэмюелс разглядел грубый набросок участка, который выбрала Лили. Какое-то мгновение клерк беспомощно таранился на нее, а потом подошел к полке, снял с нее здоровенный гроссбух и распахнул его на заложенном закладкой месте.

Лили от нетерпения привстала на цыпочки, пытаясь разглядеть, что же такое написано на засаленных страницах потрепанного тома.

— Вы должны будете заплатить пять долларов за регистрацию, — кое-как прокашлявшись, сказал Монроу. Вид у него при этом был такой, словно он надеялся своим сообщением разочаровать Лили.

Она же снова распахнула свою сумочку и на сей раз извлекла из нее пятидолларовую бумажку.

— Она как раз оказалась при мне, — сказала девушка.

Монроу словно очнулся и принялся сличать схему, которую принесла Лили, с тем, что было написано в его гроссбухе.

— Вы знаете, ее могли уже занять, — сообщил он.

У Лили перехватило дыхание. Ее землю не могли занять — не могли, и все тут. Ведь она с самого начала была уверена, что Господь на ее стороне. Лили закрыла глаза и увидела серебрившийся на солнце ручей, высокую зеленую траву и пышные цветы там, где она собиралась сеять пшеницу. Она даже почувствовала нежный аромат сосен, обрамлявших южный край ее участка.

Монроу снова прокашлялся и неохотно взялся за ручку, чтобы сделать отметку в книге, предварительно еще раз посмотрев на деньги в руках у Лили, словно опасаясь, что банкнота могла исчезнуть.

— Вам нужен муж, чтобы обзаводиться домом, — прохрипел он. — Вам придется иметь дело с индейцами,

12   гремучими змеями, бандитами...

— Ну, этого добра хватало и у нас в Небраске, — вежливо перебила его Лили, снова озабоченно взглянув на часы. — И, как видите, я выжила. Ну а теперь, если вы соизволите поторопиться...

Нахмурившись, Монроу написал расписку и временный договор.

— Земля, с одного боку граничащая с вашим участком, уже занята, — предупредил он. — Вам надо будет проверить, правильно ли там обозначена граница собственности.

— Я сама ее обозначу, — хмуро пообещала Лили.

Но на Монроу это не произвело впечатления. Он упрятал в конторку пять долларов и протянул Лили расписку и договор.

— Желаю удачи, мисс Чалмерс. Она вам здорово понадобится.

Еще не успели просохнуть чернила, когда Лили в торговле прижала к груди врученные ей бумаги. Она как можно ослепительнее улыбнулась хмурому клерку, показывая, что он ни чуточки ее не напугал, и вылетела из конторы.

Не чуя под собой ног, Лили заторопилась к отелю, где ее ждала тяжелая, изнурительная работа до вечера.

Девушка вошла в отель через заднюю дверь, и из дверей кухни на нее пахнуло жаром и запахом стирки. Лили заботливо упрянула свою сумочку в дальний угол полки.

— Зал сегодня полон под завязку, — сообщил хриплым басом Чарли Мейфилд, распахнув скрипучую дверь, через которую он прошел из столовой на кухню. — Они злы, как никогда.

Лили быстро нацепила крахмальный передник и шапочку, под которую спрятала пышные локоны.

— Они вечно недовольны, — с пониманием сказала она повару. — Ведь они — солдаты.

Для Лили это слово являлось самым что ни на есть страшным ругательством. Она терпеть не могла мужчин, носивших мундир. Они все были грубыми и никогда не считались с желаниями окружающих.

Лили в последний раз провела рукой по волосам и приступила к работе.

Позже, когда девушка с трудом пробиралась между рядами столиков, неся тяжелый, заставленный та-

релками с едой поднос, один из солдат грубо схватил ее за завязки передника. Потеряв равновесие, она покачнулась, и поднос грохнулся на пол.

В одно мгновение позабыв о том, как чудесно начался для нее этот день, разъяренная Лили обернулась к своему обидчику, широко улыбавшемуся молодому пехотинцу, схватила стоявшую перед ним кружку с пивом и выплеснула содержимое солдату в лицо. Соседи по залу завyli и заорали в восторге от такого представления.

У Лили от злости даже одеревенела спина, а щеки и мочки ушей залил яркий румянец. Этих солдат никогда не интересует, что чувствуют те, кого они обидели, пока дело не доходит до их собственной шкуры.

Лили присела на корточки и принялась подбирать то, что упало с подноса: чашки, тарелки, вилки с ножами.

Ловкие, точные движения ее рук замедлились, когда она заметила краем глаза, что прямо напротив нее возникла пара армейских черных башмаков, и тут ее гнев разгорелся с новой силой. Эти придурки уже успели порядком разозлить ее своими идиотскими выходками, а она отнюдь не принадлежала к любителям подставлять вторую щеку.

Лили медленно выпрямилась и вздохнула, почувствовав, что шпильки из прически вывалились и на плечи ей обрушился поток белокурых локонов. Вокруг раздались возгласы удивления, когда она уперлась руками в бока и задиристоприподняла подбородок.

На нее смотрели глаза цвета кленового сахара, затененные краями голубой потрепанной солдатской шляпы, повязанной золотым шнурком. Затянутая в перчатку рука приподняла шляпу, открывая прямые золотисто-каштановые волосы.

— От имени армии Соединенных Штатов, мэм, — произнес низкий голос, в котором слышалось с трудом скрываемое удивление, — я бы хотел принести извинения за поведение этих мужчин.

Со своей стороны Лили тоже вспомнила, что солдаты, размещенные в расположенном поблизости форте Деверо, являются постоянными клиентами их столовой и что, не будь их здесь, работникам нечего будет делать. И все же

14 девушка с трудом сдержала себя.

— Им больше пристало называться мальчишками, — возразила она, — нежели мужчинами.

Упрек вызвал бурю воплей, свист и топот, выражавшие недовольство.

Глядевший на Лили сверху вниз человек — судя по нашивкам, майор — усмехнулся, скорее дерзко, чем примирительно, обнажив два ряда белых, как клавиши рояля, зубов.

— Они только что вернулись из караула, в котором находились две недели, мэм, — пояснил он с подкупающей сердечностью, проигнорировав ее замечание о непристойном поведении его подчиненных.

Было в изгибе губ этого человека нечто такое, отчего у Лили внезапно закружилась голова. Чтобы не упасть, девушка ухватилась за спинку ближайшего стула.

— И все же это не дает им права вести себя словно сбегавшим из цирка гориллам.

Улыбка майора, став еще шире, ослепила Лили.

— Безусловно, вы правы, — промолвил он. Все, что говорил офицер, было правильно. Но тогда почему Лили не покидало ощущение, что он смеется над ней?

Прошло несколько мгновений, пока Лили осознала, что не сводит глаз с его украшенного золочеными пуговицами мундира, а в голове ее проносятся бессвязные мысли о том, что скрыто под ним. Так ли широка и мускулиста, как кажется, грудь, покрыта ли она такими же каштановыми волосами?

Тряхнув головой, чтобы отогнать это неожиданное наваждение, Лили наклонилась и снова принялась подбирать упавшую с подноса посуду. Девушка была весьма удивлена, когда майор тоже присел на корточки и стал ей помогать, но изо всех сил старалась больше не встречаться с ним глазами.

— Как вас зовут? — поинтересовался он.

Лили в ответ лишь со стуком швырнула на поднос последний нож.

— Если я сию минуту не окажусь на кухне, чтобы повторить эти заказы, то будет большой скандал, — фыркнула она.

Майор взял тяжелый поднос и поднялся на ноги с упругой грацией, в то время как Лили, цепляясь за стульях, довольно неуклюже выпрямилась. Но стоило ей